

Сигал Кирилл Яковлевич

СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ РЯД КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АБСОЛЮТИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА

В статье обсуждается вопрос о том, что сочинительный ряд может выступать в качестве синтаксического контекста, способствующего абсолютному употреблению переходного глагола. Путем наблюдений над речевыми фактами показана специфика таких конструкций в их соотношении со сходными явлениями: конструкциями с эллипсисом и конструкциями, в которых абсолютное восприятие переходных глаголов является временным. Кроме того, обнаружено, что в сочинительном ряду без распространителей употребляются не исключительно переходные глаголы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 157-160. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Благова Г. Ф.** «Бабур-наме»: язык, прагматика языка, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М.: Восточная литература. 1994. 404 с.
7. **Дарабади П.** Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века. М.: Весь Мир, 2010. 216 с.
8. **Иванов В. Б.** Учебник персидского языка: в 2-х ч. М.: Изд-во ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. Ч. 1. 164 с.
9. **Рассторгуева В. С., Эдельман Д. И.** Этимологический словарь иранских языков. М.: Восточная литература, 2003. Т. 2. b-d. 502 с.
10. **Рубинчик Ю. А.** Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Издательская группа «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.
11. **Рубинчик Ю. А.** Персидско-русский словарь: в 2-х т. М.: Русский язык, 1983. Т. 1. 800 с.
12. **Рубинчик Ю. А.** Персидско-русский словарь: в 2-х т. М.: Русский язык, 1983. Т. 2. 864 с.
13. **Herzfeld E.** The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East / ed. by G. Walser. Wiesbaden, 1968. 392 p.
14. **MacKenzie D. N.** A Concise Pahlavi Dictionary. London: Oxford University Press, 1996. 236 p.
15. **Գևորգ Չախուկյան.** Հայերեն ստուգաբանական բառարան. Աստղիկ: Երևան, 2010. 820 էջ. (Джахукян Г. Толковый словарь армянского языка. Ереван: Асогик, 2010. 820 с.).
16. **ორბელიანი სულხან-საბა.** სიტყვის კონა. თბილისი: საქართველოს სსრ სახელმწიფო გამომცემლობა, 1949. 588 გვ. (Orbeliani S.-S. Толковый словарь грузинского языка. Тбилиси: Государственное издательство Грузинской ССР, 1949. 588 с.).
17. **בן-יהודה אליעזר.** מלון הלשון העברית הישנה והחדשה. ירושלים תש"מ: מ' הוצאת מקור בע"מ, 1980. 4244 ע. (Бен-Йехуда Э. Полный словарь древнего и современного иврита. Иерусалим: Макоп, 1980. 4244 с.).
18. **شوشتری محمد علی امام.** فرهنگ واژه فارسی در زبان عربی، تهران: انتشارات انجمن آثار ملی، ۱۳۴۷. ۸۰۷ ص. (Шуштари М. А. Э. Словарь персидской лексики в арабском языке. Тегеран: Асапе мелли, 1968. 818 с.).
19. **شیر ادی.** الألفاظ الفارسية المعربة، بيروت: المطبعة الكاثوليكية، ۱۹۰۸. ۱۹۴ ص. (Шир Адди. Арабизованные слова персидского происхождения. Бейрут: Аль-матбуат уль-католикийя, 1908. 194 с.).
20. **فره وشی بهرام.** فرهنگ فارسی به پهلوی. تهران: دانشگاه تهران، ۱۳۸۰. ۵۷۱ ص. (Фараваши Б. Персидско-пехлевийский словарь. Тегеран: Данешгахе Техран, 2001. 571 с.).

THE INTERNATIONAL CHARACTER OF THE PERSIAN VOCABULARY IN THE BASHKIR LANGUAGE

Sayafi Rostam Muratovich
Bashkir State University, Ufa
rostam.sayafi@gmail.com

The article examines the state of the international lexis of the Persian origin in the vocabulary of the Bashkir language. Close attention is paid to the issues of the emergence and change of Farsisms in the language under study and similar processes in the compared different-system languages, as well as related shifts in phonetic organization and semantics. The author describes the parallel existence of words of common origin in such languages as Bashkir, Armenian, Georgian, Arabic and Hebrew.

Key words and phrases: borrowed vocabulary; international vocabulary; lexical composition; Bashkir language; Persian language; Farsisms.

УДК 81'23

В статье обсуждается вопрос о том, что сочинительный ряд может выступать в качестве синтаксического контекста, способствующего абсолютному употреблению переходного глагола. Путем наблюдений над речевыми фактами показана специфика таких конструкций в их соотношении со сходными явлениями: конструкциями с эллипсисом и конструкциями, в которых абсолютное восприятие переходных глаголов является временным. Кроме того, обнаружено, что в сочинительном ряду без распространителей употребляются не исключительно переходные глаголы.

Ключевые слова и фразы: сочинительный ряд; категория переходности; абсолютное употребление; глагол; эллипсис; семантика; дискурс.

Сигал Кирилл Яковлевич, д. филол. н.
Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва
kjseagal@yandex.ru

СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ РЯД КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АБСОЛЮТИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА

В современной общей и типологической грамматике категория переходности (иначе – транзитивности) глагола осмысливается в дискурсивно-семантическом плане [9]. Подобный подход вовсе не является чуждым для русского языкознания, поскольку традиционно переходность глагола трактовалась как «лексико-синтаксическая категория», «семантическое свойство глагола, проявляющееся синтаксически в его способности

сочетаться с прямым объектом» [2, с. 350]. Причем всегда присутствовало осознание того, что реализация этой лексико-синтаксической категории напрямую связана с тем, как переходный глагол включен в дискурс (= в текст), какие семантические изменения претерпевает переходный глагол, насколько обобщен прямой объект и т.д.

Переходность глагола осмысливали не иначе, как в ее синтаксических потенциях: либо как прямообъектную семантическую валентность, направленную на развертку словосочетания с сильным управлением, либо как прямообъектную проекцию, призванную семантически конкретизировать предикат и рematicкий центр предложения. То, что категория переходности охватывает не только глагольное слово в целом, но и отдельные лексико-семантические варианты и словоформы глагола и что беспредложный винительный падеж вовсе не исключительно связан с маркированием прямого объекта, а позиция прямого объекта может быть отмечена иной, функционально эквивалентной падежной формой (родительный отрицания и др.), привело к тому, что русское языкознание всегда обращалось к контекстно-семантическому подходу при объяснении категории переходности.

По всей видимости, категория переходности глагола представляет собой ту область русской грамматики, в которой так или иначе подчеркивалась связь с дискурсом (= с текстом). Однако наиболее очевидной этой особенностью становится в тех грамматических исследованиях, где освещается вопрос о том, почему переходный глагол способен употребляться без прямого дополнения, т.е. абсолютноно [7].

Абсолютное употребление переходного глагола связано с тем, что синтаксическая сема 'направленность на прямой объект' в семантической структуре глагола нейтрализуется, вследствие чего глагол приобретает иное номинативное предназначение, так как он обозначает не действие, а способность к его выполнению. Подобная семантическая трансформация не создается в результате абсолютного употребления переходного глагола, но только запечатлевается в нем. Переходный глагол, находясь в абсолютном употреблении, сдвигается в сторону непереходных глаголов, которые не могут управлять прямым объектом. Тем не менее этот сдвиг носит не только синтаксический характер, но и семантический, связан, прежде всего, не с сокращением валентностных потенций, а с другой смысловой акцентуацией. А. В. Исаченко разъяснял, что при сдвиге от переходности к непереходности у одного и того же глагола теряется смысловой оттенок актуальности: Он *видит горы* (актуально-переходное значение) – Он хорошо *видит* (неактуально-непереходное значение) [2, с. 351].

При этом не любое отсутствие прямого дополнения при переходном глаголе свидетельствует о том, что он употреблен абсолютноно. Ср.: «Марья Алексеевна сердито отнимала *ребенка*. – *Уронишь*, – сказала она, отстраняя старика рукой, – прочь от *ребенка*, ироды» (Ю. Тынянов. Пушкин) [4]; «Однако в Госбезопасности за это упрямство на него (на Кагана. – К. С.) *затаили*» (А. Солженицын. В круге первом) [Там же]. Очевидно, что если в первом случае прямой объект подвергнут эллипсису, то во втором – его нехватка вызвана усечением семантически предсказуемого компонента фразеологического сочетания (ср.: *затаить* <злобу, ненависть, обиду>). В обоих этих случаях прямого объекта нет при переходном глаголе непосредственно, но он без труда обнаруживается в контексте (при эллипсисе) или во внутреннем лексиконе (при усечении).

Наоборот, при абсолютном употреблении прямого объекта не существует вовсе, и поэтому его невозможно извлечь ни из одной из вспомогательных семантических сфер. При абсолютивации имеется ничем не восполняемый нуль прямого объекта. Поэтому в дискурсе абсолютноно употребленный переходный глагол может вызывать уточнение посредством вопросительно-относительного местоимения. Ср.: «– Касьян сегодня звонил. <...> *Прошляпили*, говорит. А что прошляпили, так я и не разобрал» (В. Дудинцев. Белые одежды) [Там же].

Абсолютное употребление переходного глагола представляет собой многофакторный процесс, причем преобладают здесь семантические факторы. Среди них называют обычно и семантику глагола, и семантику прямообъектного имени существительного, и экспрессивизацию глагола и др. Гораздо реже находят собственно синтаксические факторы, способствующие абсолютивному употреблению переходного глагола. Так, например, Л. Ф. Мачнева отмечает, что переходные глаголы без объекта нередки в структуре сочинительных конструкций [3, с. 14]. Г. Н. Акимова применительно к абсолютивации пишет о том, что «очень часто этому способствует включение переходного глагола в однородный ряд предикатов: Он не спит, а *читает*» [1, с. 25]. Б. Ю. Норман наряду с другими «дискурсивными условиями, облегчающими “безактантное” (абсолютное) употребление глагола», называет «помещение глагола в сочинительный ряд» [5, с. 201].

Безусловно, синтаксический фактор, попавший в фокус внимания многих лингвистов, заслуживает более пристального изучения. Кроме того, надо сказать о том, что в общей теории сочинения давно постулируется взаимодействие синтаксиса и семантики сочинительных конструкций не только между собой, но и со всей грамматикой [8]. По-видимому, именно в русле такого взаимодействия находится проблема сочинительного ряда как синтаксического контекста абсолютного употребления переходного глагола.

Сочинительный ряд – это особая конструкция, состоящая из двух или более синтаксически однофункциональных компонентов, объединенных на основе маркеров сочинительной связи. Л. Д. Чеснокова подчеркивает, что «ни одно из слов, входящих в сочинительный ряд, не служит для пояснения другого» и что природа сочинительных отношений «предполагает взаимную зависимость (взаимную обусловленность) членов сочинительного ряда при условии их равноправия» [6, с. 91]. По своей синтаксической функции сочинительные ряды глагольного типа являются чаще сказуемыми, их присвяточными или приформантными компонентами, реже – второстепенными членами предложения, выраженными зависимым инфинитивом.

Необходимо отметить, что далеко не всякий сочинительный ряд, состоящий из переходных глаголов без прямообъектных распространителей, свидетельствует о том, что эти глаголы употреблены абсолютноно.

Подобно тому, как в агглютинативных языках сочинительному ряду присваивается групповой аффикс, в русском языке сочинительный ряд может обладать групповым распространителем, который размещается

либо после первого члена сочинительного ряда, либо после последнего. Такой групповой распространитель, как прямое дополнение, обусловлен тем, что он обслуживает общую для всех членов сочинительного ряда семантическую валентность на прямой объект. Отнесенность группового прямого дополнения к последующим или предшествующим членам сочинительного ряда обеспечивается за счет анафорических и катафорических связей соответственно. Ср.: «Щаповы обедали за тем самым столом, на котором, во время оно, при нормированной раздаче хлеба по карточкам, по утрам на рассвете, бывало, мелко *нарезали* ножницами *хлебные купоны* квартирантов со всего дома, *сортировали, подсчитывали, заворачивали* в узелки и бумажки по категориям *и относили* в булочную, а потом по возвращении из нее, *кромсали, кроили, крошили и развешивали хлеб* порционно жильцам городка» (Б. Пастернак. Доктор Живаго) [4].

Такие сочинительные ряды не приводят к абсолютивации переходных глаголов, поскольку общее для них прямое дополнение подвергнуто эллипсису, но при этом вербализовано при первом/последнем члене сочинительного ряда и благодаря анафорической/катафорической связи относится ко всем другим членам.

Иногда в речевой деятельности может возникать временное абсолютивное восприятие переходных глаголов в составе сочинительного ряда, так как, не справляясь со своими эмоциями, говорящий строит предложения исключительно из коммуникативно обязательных (в его оценке) компонентов, опуская все очевидное для него, кажущееся ему необязательным для сообщения. Ср.: «На днях едем мы с Шалапиным на Кронверкский – видим, солдаты везут орудия. – Куда? – Да на Финский вокзал. – А что там? – Да сражение. – С восторгом: – *Бьют, колют, колотят...* здорово! – Кого колотят? – Да *нас!* – Шалапин всю дорогу смеялся» (К. Чуковский. Дневник. Запись от 5 марта 1919 года) [Там же].

Первоначально переходные глаголы в сочинительном ряду осмыслены как употребленные абсолютивно, что подчеркивается присоединительным второстепенным членом предложения – общим для них обстоятельством оценки. Затем выясняется прямой объект, относящийся ко всем членам сочинительного ряда, что указывает на эллиптическую природу их безобъектного употребления. Но смех Шалапина вызван все же не столько этим «переключением», сколько тем, что солдаты весьма сочувственно оценивают свое собственное поражение.

Приведем несколько сочинительных рядов, состоящих только из переходных глаголов в абсолютивном употреблении: «– Не могу же я сразу *и читать и слушать*, – прерывал зятя Александр Александрович» (Б. Пастернак. Доктор Живаго) [Там же]; «– Человек он (Ксан Ксаных. – К. С.) положительный. *Не пьет, не курит*» (Б. Бедный. Девчата) [Там же]; «– Там у нас и кино, и бильярд, и игры всякие, – сказала она (воспитательница. – К. С.), ласково ко мне наклонившись. – Кружок “Умелые руки” есть. Будете там *лепить, вырезать, клеить*» (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом) [Там же]. Как указывает Б. Ю. Норман, «сочинительная связь тут играет роль своего рода катализатора: каждый очередной глагол в сочинительном ряду делает все более маловажными синтаксические особенности своих синтагматических предшественников: он их в известном смысле нейтрализует. И зависимые словоформы оказываются тут просто ненужными» [5, с. 202].

То же самое происходит в сочинительных рядах, созданных переходными глаголами в сочетании с переходными. Ср.: «Мачеха, всхлипывая, садится к зеркалу, а Золушка подает ей диковинные перья. – Я работаю, как лошадь. *Бегаю* (перо), *хлопочу* (перо), *требую* (перо), *добываю и добиваюсь* (перо), *очаровываю* (тощее павлинье перо)» (Г. Скорыходов. Разговоры с Раневской) [4].

Представляется, что сочинительный ряд способствует абсолютивному употреблению переходных глаголов, но отнюдь не придает им такое функциональное свойство. Специализация сочинительного ряда на функции синтаксического контекста абсолютивации обусловлена тем, что «сочинение как особый тип связи является способом выражения сходства» [6, с. 101]. В данном случае это сходство заключается в нереализованности прямообъектной валентности переходных глаголов.

Надо заметить, что контекст сочинительного ряда обслуживает абсолютивное употребление не исключительно переходных глаголов, в том числе в сочетании с переходными. В сочинительные ряды охотно объединяются сугубо переходные глаголы, не получившие каких-либо распространителей. Ср.: «Обозначенный им самим (Солженицыным. – К. С.) круг чтения не широк и состоит из “деревенщиков” и двух-трех примыкающих к ним. Где-то отметил Владимира Солоухина, Георгия Семенова. Потом: “Умер яркий Шукшин, но есть Астафьев, Белов, Можаяев, Евгений Носов. *Стоят, не сдаются!*...” Где стоят? Кому не сдаются?» (В. Войнович. Портрет на фоне мифа) [4].

В этом примере представлен сочинительный ряд, в котором употреблены два переходных глагола, не имеющие распространителей (например, обстоятельства места и косвенного дополнения с семантикой бенефицианта соответственно). Обращенность переходных глаголов-предикатов к субъекту выдвигает на первый план их качественно-описательную семантику. Бессоюзное соединение двух предикатов, способствующее их синонимическому сближению, приводит к идиоматизации сочинительного ряда в целом. Солженицыну, которого цитирует В. Войнович, важно не то, что названные им писатели где-то стоят и кому-то не сдаются (подчеркиванием прямой семантики предикатов за счет вопросительных предложений В. Войнович добивается иронического эффекта), а то, что они не изменяют своим убеждениям. Безусловно, идиоматизация подобных сочинительных рядов осуществляется вовсе не при любой лексической подборке глаголов.

Итак, оказывается, что сочинительный ряд вполне допустимо рассматривать как синтаксический контекст абсолютивного употребления переходных глаголов. Тем не менее стоит иметь в виду, по меньшей мере, два уточняющих эмпирических обобщения. Во-первых, безобъектное употребление переходных глаголов в сочинительном ряду может быть связано не только с абсолютивацией, но и с эллипсисом. Во-вторых, без распространителей в сочинительном ряду употребляются не исключительно переходные глаголы.

Список источников

1. **Акимова Г. Н.** Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
2. **Исаченко А. В.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Изд-е 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
3. **Мачнева Л. Ф.** Безобъектное употребление переходных глаголов в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л.: ЛО ИЯз АН СССР, 1988. 17 с.
4. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.11.2017).
5. **Норман Б. Ю.** Жизнь словоформы. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 216 с.
6. **Чеснокова Л. Д.** Связи слов в современном русском языке. М.: Просвещение, 1980. 110 с.
7. **Чурилова Н. Н.** Из наблюдений над конструкциями с отсутствующим прямым дополнением // Синтаксис и норма / отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 196-203.
8. **Chaves R. P.** Coordinate structures. Constraint-based syntax-semantics processing: doctoral dissertation. Lisboa: Universidade de Lisboa, 2007. 392 p.
9. **Hopper P., Thompson S.** Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. № 2. P. 251-299.

**COORDINATIVE CHAIN AS A SYNTACTIC CONTEXT
OF ABSOLUTIVE USE OF THE TRANSITIVE VERB**

Sigal Kirill Yakovlevich, Doctor in Philology
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
kjseagal@yandex.ru

The paper argues that a coordinative chain can come out as a syntactic context promoting absolute use of a transitive verb. By analyzing speech facts the author shows the specificity of such constructions in their correlation with similar phenomena: elliptical constructions and constructions in which absolute perception of transitive verbs is casual. Moreover, the author identifies that in a non-extended coordinative chain transitive verbs are used among others.

Key words and phrases: coordinative chain; category of transitivity; absolute use; verb; ellipsis; semantics; discourse.

УДК 81-2

В статье впервые делается попытка сопоставления способов словопроизводства и словообразования лексических единиц со звукоподражательной производящей основой французского и русского языков, рассматривается потенциал словообразовательных гнезд со звукоподражательной производящей основой этих языков. Целью настоящего исследования является сопоставление наиболее продуктивных способов словообразования и выявление особенностей их дериватов в названных языках.

Ключевые слова и фразы: звукоподражание; производящая основа; словообразовательное гнездо; конверсия; суффиксация; префиксация; дериваты.

Сластникова Тамара Васильевна, к. филол. н., доцент
Дайнеко Анастасия Юрьевна
Московский городской педагогический университет
tomas59@mail.ru; aydayneko@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДЯЩИХ ОСНОВ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Звукоподражания широко изучаются в современном языкознании, в том числе в качестве производящих основ в процессе словообразования. Работы И. А. Цыбовой [13], Н. Н. Лопатниковой [6], Н. А. Катагощиной [2], А. В. Комаровой [4], Е. Ю. Кученовой [5], изучавших процессы словообразования во французском и русском языках, затрагивают проблемы, связанные с производством лексических единиц со звукоподражательной производящей основой.

Целесообразность изучения звукоподражательной лексики и ее статус были нами ранее рассмотрены в отдельных работах [7; 9].

В настоящем исследовании используется термин «звукоподражательная производящая основа», предложенный профессором Н. А. Катагощиной, по определению которой основа является производящей тогда, когда при присоединении к ней словообразовательных средств образовывается новое слово [2, с. 14]. Чтобы выявить особенности лексических единиц, содержащих звукоподражательную производящую основу, процессы